

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 314.06

М.К. Горшков

M.K. Gorshkov

**«РУССКАЯ МЕЧТА»
В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ**

**«RUSSIAN DREAM» IN THE
MIRROR OF SOCIOLOGY**

В статье излагаются результаты оригинального авторского социологического исследования ментального уровня российского общества. Автор делает интересные выводы из исследования «русской мечты» как особого, направленного в будущее, образа социальной действительности. Проективность такого образа позволяет, во-первых, выстроить ментальный портрет россиянина, во-вторых, смоделировать образ будущего российского общества в его идеальном, перспективном плане.

Ключевые слова: *идеал, исследование, цивилизационный проект, российское общество.*

The paper presents the results of the author's original sociological study of the mental level of the Russian society. Author makes some interesting conclusions from the study of «Russian dream» as an image of social reality directed to the future. The projectivity of such image allows, firstly, to build the mental portrait of Russian, secondly, to simulate the image of future Russian society in it's ideal, long-term plan.

Key words: *ideal, study, civilizational project, the Russian society.*

М.К. Горшков

Академик РАН, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института социологии РАН (г. Москва).
e-mail: m_gorshkov@isras.ru

M.K. Gorshkov

Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Federal state budgetary institution of science Institute of Sociology of RAS (Moscow).
e-mail: m_gorshkov@isras.ru

© Горшков М.К., 2012

© Gorshkov M.K., 2012

Мечта, как очевидно, не самое широко употребляемое слово в людском лексиконе, а мечтательность – не столь часто переживаемое состояние души человеческой. Тем интереснее и важнее разобраться в том, что понимается под «мечтой», когда и о чем наши сограждане предпочитают мечтать.

Чаще всего в житейской, обыденной трактовке под «мечтой» понимается заветное желание, исполнение которого сулит счастье. Но вряд ли стоило бы только исходя из данной трактовки «мечты» затрачивать немалые усилия для ее научного изучения. Суть дела в том, что мечта есть ни что иное, как особая форма воображения, мысленное создание образа желаемого, причем направленного в будущее. Но и это еще не все. Мечта – это положительно окрашенная мотивационная установка, это ярко выраженная побудительная сила и необходимое условие преобразования действительности.

Как здесь не вспомнить К.Г. Паустовского, который писал: «...если отнять у человека способность мечтать, то отпадает одна из самых мощных побудительных причин, рождающих культуру, искусство, науку и желание борьбы во имя прекрасного будущего».

Вот при таком понимании, при такой трактовке мечты, ее целенаправленное изучение, и прежде всего социологическими методами, становится не только оправданным, но и просто необходимым. Действительно, можно ли без научного социологического анализа мечты выявить и описать образ желаемого будущего страны, желаемой модели российского общества? Думается, это вряд ли возможно. Вот почему Институт социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Ф. Эберта в РФ в марте – апреле 2012 г. провел общероссийское социологическое исследование, определив его основную тему так: «Русская мечта: какая она и может ли осуществиться?» [1].

Методической основой исследования явился массовый опрос населения Российской Федерации по **репрезентативной общенациональной выборке**. При этом объем выборочной совокупности исследования составил 1750 респондентов, репрезентирующей взрослое население страны в возрасте 16–55 лет [2], в разбивке по следующим четырем возрастным когортам: 16–25 лет, 26–35 лет, 36–45 лет, 46–55 лет. Опросом были охвачены жители всех территориально-экономических районов РФ (согласно районированию Росстата РФ), всех типов поселений, представляющие 11 основных социально-демографических групп населения.

Для того чтобы в аналитическом жанре разобраться с мечтами ныне живущих наших сограждан, сформулируем на основе осмысления результатов проведенного исследования ряд наиболее важных выводов.

Вывод первый. Российские граждане в подавляющей своей массе – люди, склонные «помечтать»: три четверти из них считают, что меч-

тать обязательно нужно и жить без мечты – не интересно. Поэтому вполне закономерно, что у подавляющего большинства россиян есть своя мечта (90 %).

О чем же, в основном, мечтают россияне? В первую очередь о том, чтобы жить в достатке, когда можно позволить себе «не считать копейки» (40 %), а также о том, чтобы иметь хорошее здоровье (свое и близких) (33 %).

Следует особо выделить тот факт, что в главную тройку мечтаний наших сограждан входит их стремление жить в справедливом и разумно устроенном обществе (33 %), где добродетель и труд вознаграждаются, а доходы людей обусловлены их трудом и квалификацией, где все имеют одинаковые шансы реализовать свои способности, а перед законом все равны.

Только вслед за этими главными мечтами значатся такие мечты, как: иметь хороших детей (23 %); иметь свою отдельную квартиру (21 %); иметь хорошую семью и жить интересно, реализовать себя (по 17–18 %). Как видно, несмотря на агрессивную рекламу атрибутов «дорогостоящего» образа жизни, ни богатство с такими его элементами, как шикарные иностранные автомобили или яхты, ни карьера, ни широкая слава, ни человеческая красота в предмет индивидуальных мечтаний подавляющего большинства россиян не входят. Это сильно отличает нашу страну, например, от США, где культ изящного тела, как и народной популярности («звездности»), возведен буквально в ранг национальной религии.

Отсутствие мечты у конкретного человека, как правило, тревожный признак, свидетельствующий о его низком материальном благополучии, социальном и профессиональном статусе. Напротив, наличие мечты в наибольшей степени характерно для средних и благополучных слоев общества, а также россиян, занятых нефизическим трудом и при этом характеризующихся ярко выраженным «активизмом». Обычно отсутствие мечты ведет и к отсутствию жизненной цели. Однако в тех случаях, когда при отсутствии мечты цель все же есть, россияне зачастую лишены энергии ее достижения и оптимизма в отношении возможности ее воплощения в жизнь.

Анализ полученных данных показал: в России широко распространены умонастроения «социального анархизма» (48 %). В основном они характеризуются желанием «жить, как хочется». При этом вероятность встретить «социального анархиста» мало различается в разных социальных группах.

Как это ни парадоксально, умонастроения «социального анархизма» уживаются в России с нормой, согласно которой жить стоит только ради какой-то большой, общественно значимой цели. Подобная норма, занимая доминирующее положение в нормативной системе россиян, в бо-

лее скромном масштабе отражается в их мечтах и еще скромнее представлена на уровне их текущих запросов и потребностей. О чем это свидетельствует? Скорее о постепенной утрате населением России не только пассионарности но и отчасти своей цивилизационной специфики, которая пока еще сохраняется на уровне исторической памяти, архетипов, идеалов и нормативно-ценностной системы в целом.

Но излишне драматизировать эту ситуацию не стоит – общество, большинство членов которого на уровне повседневной жизни руководствовались бы прежде всего абстрактными идеалами, а не своими текущими потребностями и интересами, не только никогда не существовало, но и в принципе невозможно. Вместе с тем недооценивать вектор отмеченной тенденции тоже неправильно. За годы реформ наши сограждане настолько погрузились в свои проблемы, а государство настолько самоустранилось из сферы целеполагания развития нации, что россияне постепенно стали утрачивать характерную для них ранее энергетику «большой цели». А ведь она позволяла им неоднократно совершать, казалось бы, невозможное – достаточно вспомнить индустриализацию страны, восстановление ее экономики после Великой Отечественной войны, прорыв в космос и многое другое, чем до сих пор справедливо гордятся россияне.

Вывод второй. Поскольку коллективные архетипы наиболее отчетливо и выразительно представлены в фольклоре, в программу проведенного исследования был включен анализ отношения россиян к широко известным сказочным и песенным образам. На первом месте оказался классический архетип Золушки: в нем образ русской мечты увидели без малого 40 % опрошенных.

Интересно заметить, что отношение к сказочной «Золушке» имеет ярко выраженный гендерный «перекос»: она увлекает до 60 % женщин и лишь 16 % мужчин. Для представителей сильного пола ближе оказалась следующая за «Золушкой» по уровню популярности сказка «По шучьему велению», в которой смысловой акцент сделан на мотиве случайного везения, никак не обусловленного усилиями и заслугами главного героя – «дурака» Емели.

В такой сказочной ситуации «свалившейся с неба» удачи усматривают русскую мечту в общей сложности примерно четверть опрошенных. Приблизительно пятая часть респондентов (чаще мужчины) связывает «русскую мечту» с представлением о грозной, но справедливой силе, защищающей слабых (образы сказочных русских богатырей). Присутствует в суждениях респондентов и мотив ничем не ограничиваемого материального изобилия в архаически крестьянской его интерпретации – сказка о «молочных реках, кисельных берегах». Данный образ ассоциируется с национальной мечтой россиян у каждого шестого из опрошенных.

Немаловажным является и вопрос о том, а как связана «русская мечта» с образами российской истории? Проведенное исследование дает основание утверждать, что половина россиян в возрасте до 55 лет убеждена в том, что все события отечественной истории происходили «не просто так», и их следует рассматривать как служение России всему человечеству (другая половина населения с подобным утверждением не согласна). Причем эта пропорция 50 на 50 с минимальными отклонениями (не более 1–2 %) воспроизводится во всех основных социально-демографических группах.

Вместе с тем россияне отнюдь не склонны искать свои идеалы только в прошлом. Так, дореволюционная Российская империя кажется воплощением «русской мечты» лишь одному опрошенному из девяти, а революционная Россия первых послеоктябрьских лет – только каждому двадцатому. Судя по полученным данным, постепенно ослабевает еще недавно сравнительно сильная эмоциональная связь россиян с эпохой Л.И. Брежнева. Сегодня признать так называемый «развитой социализм» воплощением «русской мечты» согласились только 14 % респондентов.

Обращает на себя внимание кардинальный сдвиг в балансе оценок прошлого и настоящего. Еще в 2000 г. только 6 % россиян считали, что самая хорошая жизнь началась в условиях рыночной экономики, а в 2012 г. уже почти треть наших сограждан присоединилась к мнению о том, что «русская мечта» наиболее полно воплотилась в современный период истории России, а именно, в «эпоху Путина».

Вывод третий. В силу того, что принцип социальной справедливости занимает очень важное место в модели национальной культуры России, мечта о справедливом обществе выполняет для населения страны роль *консолидирующей идеи*.

Смысловое наполнение идеи «справедливого общества» несколько различается в разных по мировоззрению группах россиян, но в целом можно говорить о том, что ключевыми его элементами являются равенство возможностей для всех, активная роль государства в системе социальной защиты, дифференциация в доходах, отражающая образование, квалификацию и эффективность работы каждого человека, но находящаяся в разумных пределах. Такие представления характерны для большинства россиян вне зависимости от их собственного положения и динамики их личного благополучия. И это свидетельствует о давно уже сформировавшейся в обществе и устойчивой во времени нормативно-ценностной системе.

Россияне проявляют *высокую степень толерантности к большинству социальных неравенств* (кроме неравенства в доступе к качественной медицине). Однако сложившаяся на данный момент ситуация в стране отнюдь не отвечает их представлениям о справедливости: неравенства в до-

ходах представляются им излишне высокими, а их правовые основания – нелегитимными. Отсюда понятно, почему эта проблема остро переживается населением страны. Более того, россияне не видят шагов со стороны государства для смягчения подобной ситуации, что приводит к росту недовольства и социальной напряженности в обществе и еще большим расхождениям между их представлениями и мечтами об обществе, в котором они *хотели бы жить*, и тем реальным обществом, в котором они на данный момент *жить вынуждены*.

Вывод четвертый. В отношении представлений о будущем России, о том пути, по которому она должна идти, российское общество достаточно сильно сегментировано. На одном полюсе находятся *социал-консерваторы*, составляющие самую многочисленную группу, на другом – *либералы*, как правые (сторонники минимизации роли государства), так и левые (сторонники социал-демократии).

Социал-консерваторы мечтают о традиционной России – могучем государстве, державе с твердой, жесткой властью, которая способна обеспечить социальную справедливость, идя при этом своим путем, а не следуя «в кильватере» Запада и западной цивилизации. В то же время они мечтают о стабильном, спокойном развитии, а не о революциях и смутах. Либералы, напротив, ориентированы скорее на весьма ограниченную роль государства, снижение его влияния на бизнес и гражданское общество, формирование правового общества, в котором бы выше всего ценились демократические права и свободы личности.

При всех различиях оба эти «полюса русской мечты» имеют и много пересечений, в частности, нынешняя власть и тот курс, который с ней связан, воспринимаются населением скорее позитивно (в большей степени государственниками, в меньшей степени – либералами). Кроме того, и либералы, и социал-консерваторы не готовы поддержать ни «чистый» рыночный капитализм, ни «чистый» плановый социализм – и тех, и других скорее привлекает какой-либо вариант синтеза, который бы включал в себя и элементы рынка, и элементы социалистической экономики, обеспечивая преодоление в стране избыточных социальных неравенств.

Вывод пятый. В «русской мечте» отчетливо выражено представление о том, что есть общественное благо и какая должна быть модель демократии, чтобы ее реализовать практически. Образ общественного блага, будущего России, базируется на социальной справедливости, равных правах для всех, на сильном государстве, заботящемся о своих гражданах, а также на правах человека, демократии, свободе самовыражения личности.

В свою очередь, идеальную модель демократии большинство россиян связывают с «равенством всех граждан перед законом» и с «небольшой разницей в уровне доходов людей». Такие представления дают осно-

вания утверждать, что желаемая модель общественного устройства и его демократического обеспечения базируется в массовом сознании на двух «китах»: *правовой защищенности граждан и социальной справедливости.*

У широких общественных слоев и политического класса существует разное понимание перспектив российской демократии. Правящая элита сводит демократию исключительно к сфере политики и выборным процедурам. А вот в представлениях наших сограждан демократия – это, прежде всего, эффективно работающие институты, это позитивная динамика уровня и качества жизни, социальная защищенность граждан, реальная борьба с коррупцией и т.п.

Следует заметить, что в фиксации значимости социально-экономической компоненты демократии россияне отнюдь не одиноки. Исследования, проводимые во многих европейских странах, показывают высокий уровень корреляции между социальными завоеваниями трудящихся и «принятием» демократии обществом, прежде всего в странах, где гражданам на протяжении многих лет пользуются плодами социального государства (Голландия, Дания, Финляндия, Швейцария, Швеция). Это одна из причин, почему, несмотря на постоянную критику неоконсерваторов, в этих странах, а также в большинстве других государств Западной Европы, никто от социальных завоеваний 60-х–70-х годов прошлого века отказываться не спешит.

Причем, россияне социальную компоненту не сводят лишь к уровню своего материального обеспечения, а считают важным реальное обеспечение гражданам равенства возможностей, когда индивиды, имеющие разную систему ценностей, разные модели экономического поведения, могли бы сами выбирать сферу и способы реализации своих способностей и умений.

Исследование показало, что в российском обществе есть довольно большой слой людей (свыше 20 %), который понимает взаимосвязь экономических и политических прав, осознает, что именно уровень развития демократии в стране в конечном счете определяет возможность честно работать и зарабатывать. Из нижеприведенных данных отчетливо видно, что чем выше материальное положение и социальный статус граждан, тем сильнее запрос на политические права и свободы. И, соответственно, наоборот.

Выборные кампании 2011 – 2012 гг. не только пробудили протестное движение в России, но и обострили вопрос о ценностно-идейном единстве российского общества.

В настоящем исследовании получила эмпирическое подтверждение гипотеза о наличии партии активистского меньшинства («партии Интернета») и традиционалистского большинства («партии телевидения»). Интернет и, прежде всего, социальные сети стали наиболее эффективным

механизмом массовой мобилизации и реально действующим инструментом горизонтальных связей в социуме. Кроме того, получил подтверждение и тот факт, что пользователи Интернета в большей степени осведомлены как о внутри-, так и о внешнеполитической обстановке, гораздо более критически мыслят, в большей степени склонны самостоятельно выбирать информационный продукт для себя.

При этом активные пользователи Интернета настроены гораздо либеральнее тех, кто пользуется им редко или не пользуется вовсе, а также заметно чаще отдают предпочтение политическим правам и свободам и существенно реже ориентированы на материальное преуспевание.

Вывод шестой. Стремление к идеальной работе не относится к разряду главных жизненных ценностей россиян: устроиться на нее мечтают не более 7 % российских граждан. Вместе с тем в силу своей несомненной социальной значимости сфера профессионально-трудовой деятельности оказывается предметом возможных мечтаний наших соотечественников.

Применительно к работе можно говорить о существовании мечты идеальной, основанной на желании и отражающей эмоциональный образ, формируемый представлениями россиян о том, «как должно быть», и мечты земной, более приземленной, но и более конкретной.

Идеальные мечты о работе достаточно однозначны. При этом отличительной их чертой выступает преимущественный акцент на содержание трудовой деятельности и, в частности, ориентация на обретение интересной работы, способной увлечь человека, дающей ему шанс реализовать себя (58 %), иначе говоря, ориентация, доминирующая над установками на заработок (42 %).

Как показало исследование, *несомненными лидерами профессиональных устремлений наших сограждан являются: промышленность, энергетика, транспорт и строительство (26 % опрошенных), отрасли социально-культурного комплекса (образование, наука, здравоохранение и культура – 25 %), а также финансово-кредитная, маркетинговая, консалтинговая и т.п. сферы деятельности, разделяющие третью – с государственным и муниципальным управлением – позицию (по 15 % соответственно).* Анализ профессиональных выборов и предпочтений россиян позволяет надеяться на постепенное сближение их представлений о том, где хотелось бы работать, со структурой потребностей национального рынка труда в работниках по отраслям экономики.

Вместе с тем сравнение рейтинга тех областей деятельности, занятость в которых кажется нашим соотечественникам предпочтительной, с их реальным распределением по отраслям экономики, в которых они, в основном, задействованы сегодня (промышленность, энергетика, транспорт и строительство (29 % опрошенных); отрасли социально-культурного

комплекса (19 %); торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ (14 %)), говорит об определенной рассогласованности «того, что есть» и «того, к чему хочется стремиться».

Осознавая – рационально или интуитивно – ситуацию на отечественном рынке труда, чувствуя основные тенденции его развития, россияне выбирают (особенно для своих детей) те области профессиональной деятельности, занятость в которых будет востребована, привлекательна и престижна (не только в материальном, но и в статусном смысле) в долгосрочной перспективе. При этом не могут не настораживать отдельные тенденции их выбора. Например, отказ родителей рассматривать в качестве достойных их детей сфер приложения труда промышленность, энергетику, строительство и т.п. (16 %) в пользу чрезмерного увлечения работой в системе государственного и муниципального управления (24 %).

Делая выбор в пользу тех или иных областей профессиональной деятельности, в которых они мечтают работать сами или хотят видеть занятыми своих детей, большинство россиян склонны (а точнее, вынуждены) ориентироваться на земные представления об идеальной работе и той сфере, в которой она могла бы осуществляться. Как следствие, во главу угла ставятся материальное благополучие, стабильность, жизненные удобства, а не профессиональная реализация или социально значимые характеристики выполняемой работы.

Вывод седьмой. Последние годы демонстрируют улучшения во многих аспектах бытовой жизни россиян: растет количество товаров длительного пользования в домохозяйствах, возрастают оценки, которые сами россияне дают отдельным аспектам своей жизни. Однако при этом рост благосостояния не приводит к качественным изменениям и появлению новых жизненных шансов у большинства населения. Кроме того, улучшение уровня жизни происходит в российском обществе неравномерно и характерно, прежде всего, для тех, кто и так находится в более благоприятном положении, в то время как положение неблагоприятных слоев консервируется и может даже ухудшаться. При этом стремление «жить не хуже других», выступающее одним из наиболее важных стремлений для всех россиян, независимо от их дохода и уровня жизни, приводит к формированию запроса на жизнь в достатке, без необходимости «считать копейки», который и является наиболее распространенной мечтой среди населения на данный момент – мечтой, свойственной для 40 % населения независимо от их уровня жизни, возраста, типа поселения.

По всей видимости, можно утверждать, что в России идет, и идет активно, процесс формирования общества потребления, при том, что значительная доля малообеспеченных слоев населения препятствует его становлению. Реальные предпосылки формирования характерных для общества потребления практик в российском обществе различны – это и по-

следствия долго существовавшего в стране товарного дефицита, это и особая важность внешних признаков статуса (престижное потребление), это и тот факт, что возможности, связанные с собственным развитием и перемещением на новые структурные позиции, для многих россиян постепенно сокращаются и в этой связи инвестиции в себя и своих детей становятся нерентабельными и заменяются потреблением.

Вывод восьмой. В условиях возрастающей тревожности, а зачастую и враждебности внешнего мира и отсутствий возможностей существенно влиять на возникающие ситуации в нем, россияне концентрируют свои усилия на создании комфортной микросреды обитания. При этом организация своего микромира не является для россиян мечтой как таковой. Это скорее своеобразная «социальная программа» в части создания семьи и круга общения, отражающая доминирующие в российском социуме нормы.

Ядром микромира россиян в рамках этой «социальной программы» является семья, которая сохраняет традиционную форму: мужчина-добытчик и любящая женщина-хозяйка создают семью для рождения и воспитания детей. Веяния современности здесь ощущаются лишь в количестве детей, которых в идеале должно быть двое. Несмотря на различные модификации практического воплощения этой нормы семейной жизни, ее не подрывает даже идущая плюрализация предпочтений по отношению к противоположному полу. И это при всем том, что представления об идеальном мужчине и идеальной женщине в российском обществе крайне разнообразны и не локализованы четко в тех или иных социальных группах.

Не менее глубинным и традиционным для российской культуры остается и понимание россиянами дружбы как отношений помощи и взаимовыручки, которое, хотя и несколько размывается происходящими в современном мире процессами, остается важной частью российской традиции социального проекта в части микромира человека.

Таким образом, мечты россиян об идеальном для них микромире коренятся в глубинных пластах норм и ценностей российской культуры. И хотя процессы социальной модернизации, с характерной для нее плюрализацией предпочтений в самых различных областях, оказывают на эти нормы и ценности свое воздействие, они еще не затронули их сколь-нибудь существенно. При этом наиболее активно процесс размывания этой пока еще достаточно монолитной системы норм и ценностей протекает в мегаполисах, сложность и динамичность жизни в которых стимулирует нарастание запроса на упрощение, облегчение и повышение комфортности межличностных отношений, с одновременным снижением ответственности в них. В итоге семья, дети и друзья постепенно оттесняются в мечтах россиян на второй план – у одних потому, что для них это

просто норма жизни, о которой и мечтать-то странно, а для других – потому, что это оказывается в их жизни уже далеко не главным. Причем подобные различия во многом зависят от места жительства россиян.

Вывод девятый. Досуг для большей части россиян сегодня носит в основном традиционный характер – он локализован по месту проживания и для многих не предполагает дополнительных материальных затрат. Распространение информационных технологий, предоставляющих возможности реализации различной деятельности, в том числе и досуговой, буквально не выходя из дома, усугубляет сложившуюся ситуацию. *Досуговая активность россиян в итоге все больше локализуется в домашних условиях, а рост благосостояния и уровня жизни отдельных категорий граждан за последние годы не приводит к расширению видов досуга населения, в том числе и тех, которые, по сути, являют собой инвестиции в здоровье и человеческий капитал нации.*

При этом полученные данные говорят о сокращении досугового разнообразия в жизни россиян – в последние годы снижались как доли прибегающих к разным типам досуга, так и среднее число форм досуга, которые характерны для населения в целом. В то же время самооценки россиянами возможностей проведения своего свободного времени выросли. Скорее всего, это отражает изменение досуговых потребностей россиян, хотя причины подобных изменений еще нуждаются в дополнительном изучении.

Вывод десятый. В целом россияне полагают, что их *мечты скорее осуществимы, чем неосуществимы*. Учитывая характер их мечтаний, это не удивительно. Более того, большинство россиян, имеющих мечту, предпринимают для ее осуществления вполне рациональные попытки, хотя очень значительная часть наших сограждан уповает в этом отношении скорее на чудо – что это сбудется «по божьему промыслу» или в силу простой удачи.

И все-таки, при всем богатом воображении, лишь менее половины всех имеющих мечту россиян в той или иной степени уверены в возможности ее воплощения. При этом оценка возможностей реализации большинства мечтаний напрямую зависит у россиян от их места в социальной структуре общества. Наименее благополучная и низкоресурсная часть населения страны (а это – большинство) заведомо не имеет, по крайней мере, в собственном восприятии, шансов на реализацию многих своих мечтаний, в том числе таких «жизненных» и вполне естественных, как иметь собственную квартиру, дом, хороших детей, хорошее здоровье.

При этом практически все население, за исключением 12–15 % самых благополучных, не уверено и в возможности воплощения таких своих мечтаний, как жить «не считая копейки» или встретить настоящую любовь. Лишь верхние слои населения страны отличаются в массе своей уве-

ренностью в возможности реализовать практически все свои мечты, что ставит их в качественно иное положение, чем остальных россиян. Однако, несмотря на это, даже наиболее благополучная часть наших сограждан недовольна той моделью общества, которая сложилась сейчас в России, а значительная их часть (практически такая же, как и в других социальных слоях) *включает в число трех главных своих мечтаний жизнь в разумно и справедливо устроенном обществе*. Особенно сильно выражено это желание в составе благополучной части населения старше 30 лет.

Это означает следующее: хотя жизнь россиян за последнее десятилетие в материальном плане улучшилась, их представления об устройстве общества, когда от усилий самого человека мало что зависит, а главную роль играет наличие у него нужных связей и везение, не изменились в лучшую сторону. Можно даже говорить о нарастании разрыва между собственными усилиями людей и материальными результатами этих усилий, по крайней мере, в массовом восприятии населения. Вот почему россияне настроены достаточно скептически по части своих возможностей реализации жизненной мечты и в целом недовольны обществом, в котором они живут, считая его несправедливым и «неправильным».

Вывод одиннадцатый. *Ключевой особенностью «русской мечты» и русского цивилизационного проекта в целом выступает мечта о справедливом и разумно устроенном обществе*. Эта мечта имеет личностную, эмоциональную значимость в условиях особой роли макроидентичностей в жизни наших сограждан. Одной из таких идентичностей для человека является идентичность с россиянами, предполагающая отождествление себя со страной и ее народом. Такая идентичность в настоящее время глубоко укоренилась и получила широкое распространение в сознании населения, хотя и находится как бы в «спящем», латентном состоянии.

В то же время ощущение *личностной связи с Россией постепенно утрачивается*. Это связано и с атомизацией российского общества, нарастанием в нем отчуждения, и со все меньшим соответствием его тем идеалам справедливости, которые характерны для русской культуры и являются консенсусными для всех слоев населения. В подобных условиях «органическая солидарность», ощущение своего неразделимого единства с общностью людей, живущих на территории России и разделяющих нормы и ценности в рамках внутренне единой культуры, начинает замещаться чувством формальной связи с Российской Федерацией, ощущением себя просто гражданином определенного государства.

С одной стороны, это позитивная тенденция, отражающая процессы социально-политической и социокультурной модернизации и формирования в стране гражданской нации. Однако, с другой стороны, надо иметь в виду, что развитие этих позитивных процессов неизбежно ведет к изменению «русской мечты», к «растворению в ней» компонента, отно-

сящегося к обществу. Этот компонент из мечты может превратиться в набор инструментальных целей, которые в зависимости от личной ситуации будут в большей или меньшей степени волновать россиян. Приведет развитие этой тенденции и к изменению психологического механизма формирования идентичностей россиян в целом, что, в свою очередь, повлечет за собой массу следствий – от утраты готовности переносить без жестких протестов личные проблемы в ходе новых возможных экономических кризисов до отказа «отдать долг стране» службой в армии.

Отмеченная тенденция вообще очень опасна. В условиях отсутствия альтернативных эмоционально значимых для россиян интеграторов, тенденция разрушения «органической солидарности» может начать работать «на раскол» российского общества. И хотя говорить о таком расколе явно преждевременно, однако уже сейчас есть основания утверждать, что назревающее в стране недовольство внутренне гетерогенно и эта гетерогенность, скорее всего, будет со временем лишь усиливаться.

Исследование зафиксировало несколько групп россиян, по разным причинам недовольных сложившимся в обществе положением дел. Одна из таких групп – «противники нынешней власти» – объединяет несогласных с нынешним политическим курсом, как справа, так и слева. Другая группа – «мечтающие о справедливости», в массе своей сторонники левого, преимущественно левоконсервативного вектора развития страны. Общность этих групп заключается не только в их гетерогенности или недовольстве их представителей сложившейся ситуацией. Обе они сконцентрированы в одних и тех же регионах. Причем можно говорить и об их преимущественной концентрации в городах-миллионниках. Все это заметно усиливает протестный потенциал таких групп.

Вместе с тем, по сути своей, эти две группы принципиально различны. В то время как «противники нынешней власти» относительно чаще являются носителями маргинальных, нехарактерных для населения страны норм и ценностей, то «мечтающие о справедливости» наиболее концентрировано выражают национальные нормы, ценности и в целом российский менталитет. Первые недовольны сложившейся системой общественных отношений из-за личных проблем и закупорки «социальных лифтов». Вторые – из-за того, что сложившаяся модель социума идет вразрез с ценностями и институтами (включая представления о справедливости и механизмы реализации этих представлений), традиционно характерными для российской культуры.

Таким образом, существование одних является следствием перехода российского общества «в свое иное», под которым подразумевается не просто рыночная экономика, а качественно иной тип общества с попыткой изменить функции «станового хребта» российского общества – государства. И их недовольство – это недовольство формами, в которых осуществ-

ляется этот переход. В то же время другие недовольны самим фактом такого перехода, утратой качественной специфики российского социума и попыткой замены его неким суррогатом из элементов во многом идеализированного «западного пути» развития. Пути, который, с точки зрения большинства наших сограждан, России не подходит – причем, чем дальше движется наша страна по этому пути, тем выше доля несогласных с тем, что так называемый «западный путь» может что-то дать России.

Естественно, разные причины и сущность недовольства этих групп могут иметь и разные формы проявления. «Противники нынешней власти» готовы протестовать «на площадях» всеми доступными и даже незаконными способами. В свою очередь, «мечтающие о справедливости», можно сказать, лично переживают, что привычный им тип социума «разлагается на глазах», мечтают о предотвращении его распада, но понимают, что в нынешних условиях это мало реально. Они для канализации собственного недовольства могут даже выйти на демонстрации, но, скорее всего, не будут делать этого, если возникнет угроза раскола общества, нагнетания в нем напряженности.

Однако, в любом случае, обе группы, недовольные сложившейся ситуацией в стране и тем путем, по которому идет Россия, выступают не за западную модель развития общества в целом, хотя позитивно относятся к ряду элементов этой модели. Это позволяет утверждать, что в российском обществе все еще стоит на повестке дня альтернативный западному цивилизационный проект развития, о котором россияне и мечтают. Альтернативность данного проекта заключается не в отсутствии в нем институтов демократии или степени авторитарности государства, а в ином смысле, функциях и соподчиненности демократических институтов, а также в другом наборе функций государства, которое должно их последовательно реализовывать. И главные из этих функций – правильное целеполагание для оптимального стратегического и тактического развития нации, истинная забота о «вверенном ему» населении. Забота, означающая не максимизацию «объема социальных подачек», а создание в России условий для успешной и самостоятельной экономической активности людей – активности, которая будет реализовываться в условиях равенства шансов, равенства всех перед законом и разумной помощи социально слабым группам.

Мечта о таком обществе все еще живет среди россиян, и именно ее воплощению многие из них готовы посвятить свою жизнь, как той большой цели, ради которой и стоит жить. Однако сложившиеся и получающие дальнейшее развитие в обществе тенденции делают дальнейшее существование подобной мечты все более и более проблематичным.

Вывод двенадцатый. Национальную мечту никоим образом не следует рассматривать как некую заданную на все времена социально-

психологическую константу. По мере изменения условий жизни одна мечта постепенно замещается другой, подобно тому, как это происходит у конкретных людей с их личными стремлениями и упованиями. При этом обычно наблюдается сложная интерференция идей и идеалов, в ходе которой складываются новые смысловые доминанты и формируются образы будущего, воодушевляющие миллионы людей. В этом отношении *«русская мечта» выделяется своим динамизмом. На протяжении последних 100 – 150 лет она не раз меняла свои контуры и наполнялась новым содержанием, но при всех своих модификациях продолжала существовать как мечта о правде-справедливости.*

Как известно, к началу 70-х годов подобная мечтательность отесняется на задний план новой, альтернативной прежним, коллективной мечтой, связанной с социальным запросом на формирование «общества потребления». Составной частью этой мечты о «потребительском рае», не связанной, в отличие от веры в грядущую победу коммунизма, с идеей социальной справедливости, стала своеобразная идеализация Запада, стремление сблизиться с ним вплоть до обретения некой единой идентичности. Вместе с тем, по мере массового прозрения стало приходиться массовое понимание, что Запад – это не только бытовой комфорт и демократические ценности, но и определенный взгляд на вещи, который в свете российского опыта часто кажется поверхностным и неискренним. Западная идентичность – это еще и некая коллективная мечта, которая в настоящее время существует в двух основных конкурирующих между собой вариантах – европейском и американском.

Американская мечта – это мечта об индивидуальном материальном успехе; в конечном счете, она сводится к тому, что любой энергичный и «ответственный» индивид может преуспеть, если будет много работать и проявлять изобретательность, рассчитывая при этом исключительно на самого себя. Но если американская мечта выросла на почве культа индивидуализма, то мечта, воплотившаяся ныне в проекте Единой Европы, носит солидаристский характер и основана на специфической модели позитивного взаимодействия человека с другими людьми и природой.

Европейские идеалы для многих россиян весьма привлекательны. Однако и они вряд ли полностью совпадают с устремлениями и надеждами наших сограждан. Прежде всего, отметим, что в России довольно низок потенциал солидарности, которая играет важную роль в реализации европейского исторического проекта. Если идея служения государству и обществу в целом у наших сограждан достаточно популярна, то реальный альтруизм и готовность к личным жертвам, тем более ради отдельных людей только из чувства солидарности, отнюдь не является нормой национального сознания.

Вывод тринадцатый. *«Русская мечта» принципиально расходится с установками западной культуры в понимании свободы. И связано это с тем, что свобода – это одна из главных российских ценностей. Свыше 2/3 наших сограждан считают, что свобода – это то, без чего жизнь теряет свой смысл, и только треть соглашаются с тем, что свобода второстепенна, и ставят выше нее материальное благополучие.*

Мечта о свободе, несомненно, воодушевляет россиян: данный социологический факт с небольшими статистическими отклонениями повторяется от исследования к исследованию на протяжении почти двух десятилетий. Однако, как показывают результаты неоднократно проводившихся опросов, быть свободным для человека русской культуры – совсем не то же, что для американца, немца или француза. *Свобода в русском ее понимании* – это не возможность реализации определенных прав (соотнесенных в то же время и с известными обязанностями), а возможность «быть самому себе хозяином». То есть это ни что иное, как пресловутая русская «воля», которая может выражать себя в самых разных, но всегда предполагающих энергетическую разрядку, формах. И в этом постоянном поиске точки приложения энергии россияне в чем-то сродни американцам.

В целом результаты проведенного исследования указывают на то, что в современном сознании российского народа совершенно определенно имеются налицо все те компоненты, из которых «синтезировалась» русская мечта в прошлом. Это идея государства как «общего дела», это приоритет социальных прав над политическими, это сильно выраженное чувство справедливости, это приверженность социальному равенству и, наконец, это понимание свободы как «воли».

Примечания:

1. При разработке программы исследования, анализе и интерпретации его результатов понятия «русская мечта» и «российская мечта» использовались как синонимы.

2. Эта возрастная группа населения составляет 60,8 % от общей численности населения РФ (см.: Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2011. С. 77).